



Валдай | Международный
дискуссионный клуб

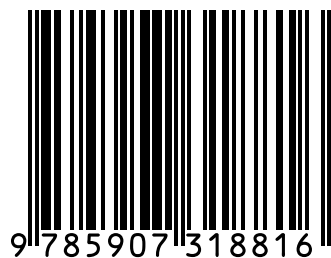
Политэкономия конфронтации: уроки конфликта на Украине

Александр Ермаков,
Дмитрий Стефанович

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

Инфографика, представленная в докладе, была подготовлена Фондом развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай».

ISBN 978-5-907318-81-6



© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2023

Российская Федерация, 127051, Москва,
Цветной бульвар, дом 16/1

Об авторах

Александр Ермаков

младший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН

Дмитрий Стефанович

научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН

Содержание

3	Введение
4	1. Выявленные проблемы
	1.1. Люди
	1.2. Ракеты и снаряды
	1.3. Информационное обеспечение
	1.4. Ограничения при исправлении и купировании проблем
9	2. Возможные пути решения
	2.1. Ревизия существующих подходов
	2.2. Усилия в «правильном» направлении
18	3. Что необходимо делать нам?
19	Заключение: жестокий новый мир

Введение

События на Украине, начавшиеся в феврале 2022 года, быстро переросли в масштабный военный конфликт, подобного которому Европа не знала со времён Второй мировой войны. В нём задействованы большие массы войск и широкий спектр современных вооружений. Он кардинально отличается от конфликтов последних нескольких десятилетий, когда технически продвинутые державы с разной степенью успеха вели военные операции против значительно более слабого в техническом отношении противника. Далеко не всегда превосходство приносило ожидаемый результат, что подтверждает опыт афганских кампаний СССР и США, однако практика военных действий имела явно асимметричный характер.

После окончания холодной войны военные в разных странах готовились к крупным сухопутным операциям с равным или превосходящим противником, но такие планы долгое время оставались теорией. Украинский конфликт подверг теорию проверке практикой. Российской армии на Украине противодействует противник, обладающий сходными системами вооружений и военной техники, получающий вооружение и современные боеприпасы от западных стран. Влияние конфликта на применение отдельных вооружений, на стратегию и тактику ещё только предстоит оценить. Но уже сегодня просматривается целый ряд политико-экономических реалий, которые будут определять развитие военно-промышленных комплексов современных держав, структуру их оборонных расходов, направления дальнейших разработок, распределение приоритетов между ними и тому подобное. Опыт конфликта показывает следующее:

- Компактные вооружённые силы, укомплектованные исключительно контрактниками, имеют свои минусы. Нехватка живой силы ограничивает операции даже современной и хорошо оснащённой армии. В долгосрочном плане это может привести к росту численности вооружённых сил, частичному восстановлению или расширению призыва, а также развитию промежуточных форм набора в вооружённые силы в виде добровольческих обществ и движений под патронажем государства.
- Существующие объёмы производства обычных вооружений и боеприпасов не соответствуют условиям конфликта нового типа. Поставки вооружений на Украину уже опустошили значительные объёмы складских запасов западных стран. Темпы их восполнения при сохранении текущих объёмов мощностей обещают быть крайне медленными. Следует ожидать расширения промышленных фондов оборонно-промышленного комплекса (ОПК), наращивания средств производства, а также объёма производства современных вооружений и техники. В условиях многочисленной противовоздушной обороны (ПВО) и чувствительности потерь авиации растёт значение обычных вооружений (танки, артиллерия, боевые бронированные машины). Промышленность будет вынуждена вернуться к их массовому производству, что, возможно, потребует унификации образцов с целью их удешевления. Баланс массовости и технологической продвинутости вновь окажется на повестке дня.
- Оборонные расходы в текущих объёмах недостаточны для подготовки к конфликту, подобному украинскому. Потребуется их наращивание. Понадобятся вложения в модернизацию ОПК, в производство новых объёмов вооружений, в содержание и обучение более многочисленной армии.

- Роль высоких технологий сохранит своё значение на всех уровнях – от надёжной связи и разведки до господства в воздухе или появления предпосылок для такого господства у противника.
- Дороговизна развития ОПК в соответствии с новыми задачами требует более широкой международной кооперации для сокращения издержек. На Западе она отработана и будет далее развиваться в рамках НАТО, а также отношений США с союзниками в Азии. Следует ожидать углубления кооперации России с КНР, Ираном и другими странами. Здесь она пока в сопоставимых объёмах не налажена.

Перечисленные тенденции требуют глубокого и разностороннего исследования. Настоящий материал предлагает возможные пути решения некоторых вскрывшихся проблем, а также ряд базовых выводов.

1. Выявленные проблемы

1.1. Люди

Одной из ключевых проблем, ставшей очевидной в ходе СВО, стало отсутствие достаточного количества подготовленного личного состава, в первую очередь – пехоты.

Большинство развитых стран в конце XX – начале XXI века отказались от прежней системы комплектования вооружённых сил по призыву или сделали её вспомогательной. Вкупе со снижением рождаемости (меньше добровольцев, выше чувствительность потерь) это привело к значительному снижению численности вооружённых сил и переориентации на так называемые «профессиональные армии», за исключением (США) очень компактными.

Однако в условиях вооружённых конфликтов значительного масштаба, особенно на географически крупных сухопутных театрах, даже на голову превосходящая противника качественно, но уступающая количественно армия испытывала серьёзные проблемы, в первую очередь в части контроля территории. Наиболее яркий пример – войны в Афганистане как СССР, так и американской коалиции. Практически всегда побеждая повстанцев «в поле», армии сверхдержав не имели даже на пике развёртывания достаточного контингента для контроля всей страны, что в итоге приводило к неудаче в кампании. При этом в наше время группировку, близкую по численности

к задействованной в том же Афганистане СССР, западной коалиции удалось развернуть лишь с привлечением множества стран и частных военных компаний для обеспечивающих задач.

Одним из возможных направлений по повышению количества, а в перспективе – и качества мобилизационных ресурсов, прежде всего в развитых странах, помимо создания условий для развития частных военных компаний, может стать и уже отчасти становится применение военной службы как инструмента интеграции национальных и иных меньшинств.

Россия в украинской кампании 2022 года после начального этапа весьма стремительного занятия значительных территорий столкнулась с физической нехваткой личного состава, причём не только для продолжения наступательных действий, но и для организации прочной линии обороны, что вынудило пойти в отдельных случаях на отвод войск и частичную мобилизацию резервистов. Нельзя не отметить и такое измерение человеческих ресурсов, как их качество, что в приложении к военным сценариям означает умение выполнять поставленную боевую задачу и на уровне рядового, и на уровне генерала.

Как уже отмечалось выше, ничего подобного СВО по масштабу и интенсивности не происходило в Европе очень давно¹, и причина различных недочётов кроется по большей части в этом. Именно поэтому изучение опыта СВО в контексте подготовки личного состава, в том числе командных кадров, является одной из важнейших задач.

1.2. Ракеты и снаряды

СВО также выявила недостаточные запасы вооружений, особенно высокоточного оружия различных видов базирования, назначения и дальности, у большинства стран мира.

Вопреки медийным мифам, запасы высокоточного оружия даже у наиболее богатых стран и военных блоков далеки от неисчерпаемых. Так, во время первой войны в Ираке 1991 года лишь малая доля авиационных средств поражения (АСП) была управляемой. Основную долю управляемых АСП получили только с появлением таких дешёвых образцов, как, например, комплекты переоборудования обычных бомб в корректируемые *JDAM*. Для сравнения: в ходе операции «Буря в пустыне» около 6 процентов тоннажа АСП было управляемым, в операции «Союзная сила» – около 42 процентов, в первые полтора месяца интенсивной воздушной кампании

¹ Кашин В. Первая большая война XXI века // Россия в глобальной политике. 22.06.2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pervaya-bolshaya-vojna-xxi-veka/>

в Афганистане в 2001 году – около 60 процентов. Во второй очереди бомбардировок Югославии, продолжавшихся два с половиной месяца, и в ходе незапланированного пика расхода АСП в начале войны в Афганистане (операция «Анаконда» в марте 2002 года) ощутимый дефицит высокоточных боеприпасов начали испытывать даже США. Особенно ярко это проявилось у союзников США в ливийской кампании, когда выяснилось, что запасов АСП многих малых европейских стран не хватает даже на короткую воздушную войну низкой интенсивности. По опыту этих конфликтов и благодаря развитию массовых типов АСП в США с авиационным высокоточным вооружением вопрос был, судя по всему, в определённой мере решён. Но, как выяснилось позднее, из внимания выпали другие типы вооружений, в частности пехотное. По последним оценкам американских специалистов², в случае крупномасштабных боевых действий с серьёзным противником, например, крылатые ракеты семейства *JASSM* (включая *JASSM-ER* увеличенной дальности и противокорабельные *LRASM*) могут закончиться примерно за неделю, да и по практически всем основным видам вооружения и военной техники запасы оцениваются как низкие и средние.

Конфликт на Украине показал быстрое исчерпание запасов даже более простых и массовых управляемых вооружений. Так, США очень быстро израсходовали «комфортный» (по ряду видов номенклатуры – до половины и более) лимит на поставки противотанковых пехотных ракетных комплексов и переносных зенитно-ракетных комплексов. Пополнение арсеналов объявлено стратегической задачей в ряде стран Запада, в первую очередь в США³. На фоне конфликта на Украине открылись, по крайней мере на короткий срок, золотые жилы для ряда производителей в Восточной Европе, которые резко нарастили выпуск вооружения, относительно совместимого/схожего с советскими стандартами⁴.

Огромный расход снарядов ходовых калибров – за пару дней ВСУ расходуют количество, производимое в мирное время в США за месяц⁵. По приведённым в тематическом отчёте *CSIS*⁶ оценкам, даже в случае повышения

² Seth J. Empty Bins in a Wartime Environment: The Challenge to the U.S. Defense Industrial Base // Center for Strategic and International Studies. 23.01.2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/empty-bins-wartime-environment-challenge-us-defense-industrial-base>

³ Gould J., Harris B. Lawmakers seek emergency powers for Pentagon's Ukraine war contracting // Defense News. 18.10.2022. URL: <https://www.defensenews.com/congress/2022/10/17/lawmakers-seek-emergency-powers-for-pentagons-ukraine-war-contracting/>

⁴ Kahn M., Koper A., Muller R. Weapons industry booms as Eastern Europe arms Ukraine // Reuters. 24.11.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/weapons-industry-booms-eastern-europe-arms-ukraine-2022-11-24/>

⁵ Erlanger S., Jakes L. U.S. and NATO Scramble to Arm Ukraine and Refill Their Own Arsenals // The New York Times. 26.11.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/11/26/world/europe/nato-weapons-shortage-ukraine.html>

⁶ Cancian M. Rebuilding U.S. Inventories: Six Critical Systems // Center for Strategic and International Studies. 09.01.2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/rebuilding-us-inventories-six-critical-systems>

темпов производства компенсация переданных Украине, например, артиллерийских снарядов 155 мм займёт четыре года – пять лет, противотанковая управляемая ракета “Javelin” в оптимистичном случае – пять лет, переносной зенитный ракетный комплекс – неопределённо долгий срок, поскольку производство надо восстанавливать. Разумеется, американская промышленность и ВПК обладают огромным потенциалом, который был не раз продемонстрирован. Однако запланированная стратегия военного строительства, ориентированного на противостояние с Китаем в Тихоокеанском регионе, не подразумевала дополнительных усилий. Уже открыто выражает недовольство и обеспокоенность руководство ВМС США⁷. В странах Европы вопрос стоит ещё более остро⁸.

Повышенная – относительно нормативов и практик вооружённых конфликтов с участием нерегулярных формирований – интенсивность боевого применения систем вооружений, в первую очередь ракетных войск и артиллерии, не может не привести к пересмотру целевых характеристик тех или иных изделий⁹. Возможно, будет признано целесообразным повышение надёжности в ущерб выдающимся характеристикам дальности, не исключены и иные размены.

1.3. Информационное обеспечение

По отдельным направлениям украинская сторона и её «группа поддержки» пока справляются на весьма высоком уровне. Например, в части обеспечения связи, в том числе с применением коммерческого сервиса «Старлинк», во многом опережающего военные аналоги, разведки – путём оперативной агрегации данных из всего спектра источников, логистической поддержки.

Вместе с тем, конечно, стоит сделать поправку на достаточно специфический подход к боевым действиям российской стороны, в соответствии с которым нанесение ударов по логистической инфраструктуре не носит системного характера, а относительно массированные удары по энергетической инфраструктуре были начаты только ближе к концу 2022 года.

⁷ Toropin K., Kheel R. Navy Might Have to Choose Between Arming the Service and Aiding Ukraine Due to Ammo Delays, Officials Say // Military.com. 11.01.2023. URL: <https://www.military.com/daily-news/2023/01/11/navy-might-have-choose-between-arming-service-and-aiding-ukraine-due-ammo-delays-officials-say.html>

⁸ Katz J., Mehta A. Stockpile concerns rising in Europe amid efforts to help Ukraine: Dutch DefMin // Breaking Media. 14.07.2022. URL: <https://breakingdefense.com/2022/07/stockpile-concerns-rising-in-europe-amid-efforts-to-help-ukraine-dutch-defmin/>

⁹ Lillis K., Liebermann O. How Ukraine became a testbed for Western weapons and battlefield innovation // CNN. 16.01.2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/01/15/politics/ukraine-russia-war-weapons-lab/index.html>

Но, несмотря на регулярные заявления западных стран о случившемся либо вскоре неизбежном истощении запасов высокоточного оружия большой дальности (ВТО БД) в российском арсенале, на деле имеющийся у России расход крылатых ракет соответствующих классов, похоже, превосходит самые смелые оценки. И, можно предполагать, что существует как должный запас комплектующих, так и возможности для наращивания интенсивности работы производителей. При этом сохранение этих запасов и в целом всё ещё достаточно ограниченный характер применения ВТО БД может быть обусловлен в том числе и недостаточным информационно-разведывательным обеспечением таких ударов, а также специфическими тактико-техническими характеристиками соответствующих средств поражения.

1.4. Ограничения при исправлении и купировании проблем

Военно-промышленные комплексы практически всех ведущих игроков после окончания холодной войны СССР и США переориентировались в первую очередь на выполнение достаточно ограниченных по объёмам коммерческих, зачастую экспортных, заказов. Иметь «лишние», простаивающие большую часть времени мощности в таких условиях было просто невозможно – и в США, и в России в 1990-е проходила масштабная оптимизация ВПК, больше похожая на погром. Мнение, что в США, считавших себя победителем в холодной войне, в этом плане было лучше – иллюзия. Наоборот – по ряду отраслей дела обстояли даже хуже.

Яркий пример – ПЗРК «Стингер». После поставок на Украину примерно половины арсенала американских вооружённых сил, которого хватило, судя по всему, лишь на первые месяцы конфликта, выяснилось, что серийное производство возобновить просто невозможно, поскольку часть компонентов недоступна, а подрядчики отошли от дел. В результате решили, что разработать новый ПЗРК будет проще, но это потребует нескольких лет. Ряд производителей других типов ВТО (например, противотанковой управляемой ракеты или реактивной системы залпового огня) отработали о планах нарастить производство, но это даст результат только через год-два.

Если после текущего кризиса хотя бы у части игроков наступит период успокоения, то лишние мощности ВПК вновь станут нерентабельно, практически невозможно содержать. Выход в виде постоянного производства огромных объёмов вооружений про запас или для регулярной утилизации в локальных войнах (в том числе прокси), как поступали в годы холодной войны СССР и США, сегодня выглядит неприемлемой нагрузкой на экономику. Однако такой сценарий возможен в случае дальнейшего ухудшения международной обстановки.

Таким образом, самый нежелательный вариант для обороноспособности любого государства – это одновременная нехватка людей и современного вооружения, военной техники, современных сервисов разведки и боевого управления. В наиболее уязвимом положении могут оказаться государства, не обладающие ни значительным количеством комбатантов, ни запасами современных образцов вооружения и военной техники, ни возможностями по их производству. Соответственно, как представляется, большинство стран мира будет стремиться решить эти проблемы, соотнося их с собственными возможностями и с архитектурой своих военно-политических отношений.

2. Возможные пути решения

2.1. Ревизия существующих подходов

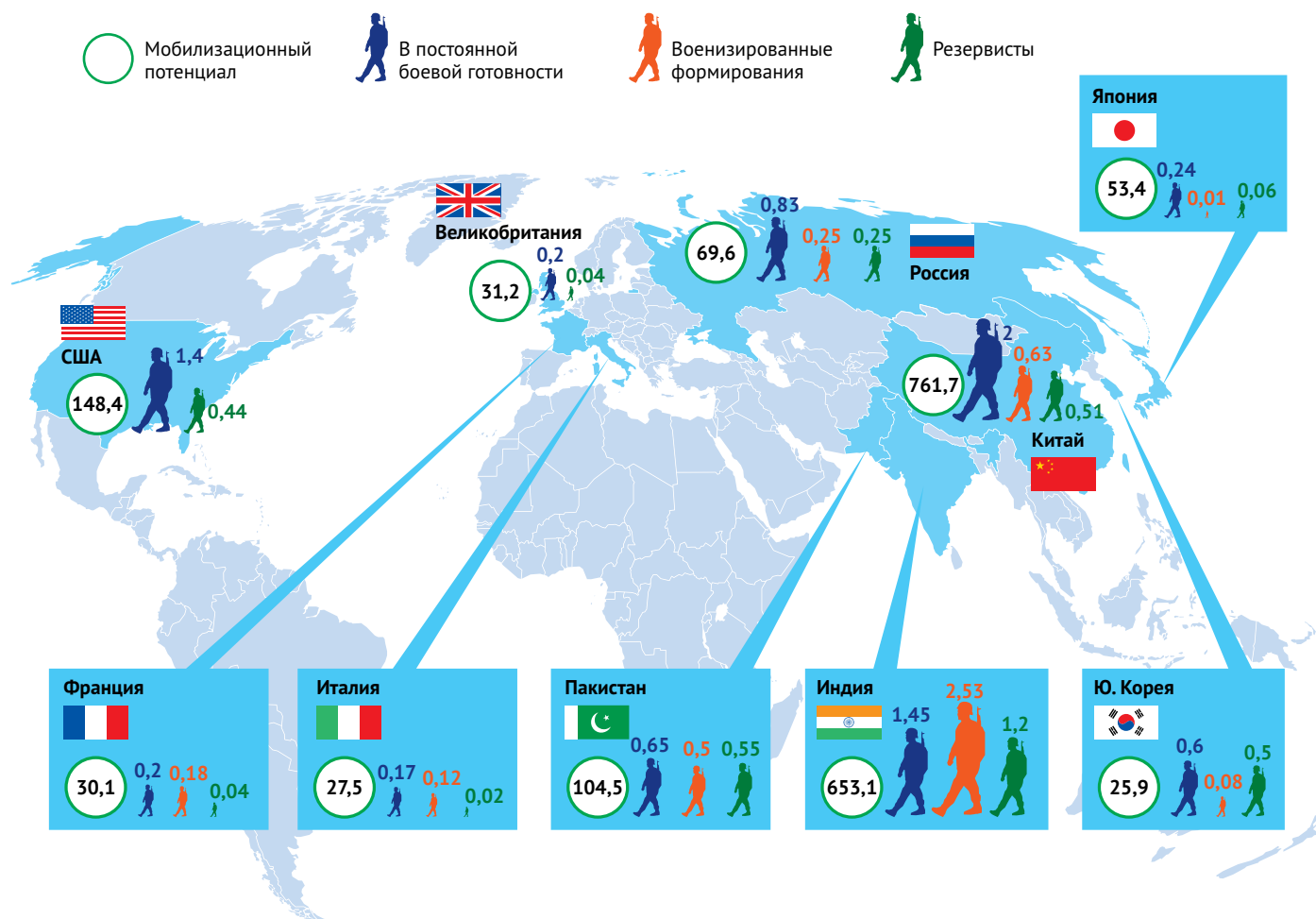
На сегодняшний день уже ведётся весьма активная работа по анализу направлений изменения подходов в сфере обеспечения обороноспособности. Многие страны задумались о том, что недостаточно закупать передовое вооружение – могут понадобиться действительно большие запасы. Если даже американские арсеналы по ряду наименований номенклатуры «сгорают» на современной войне за считанные месяцы, то что говорить о европейских армиях.

Тем не менее рост закупок боеприпасов, судя по всему, будет общим трендом. Дело в том, что в отличие от наглядных контрактов по закупкам военной техники это не так бросается в глаза общественности и экспертам. Вопрос – захотят ли правительства афишировать подобные закупки, чтобы показать налогоплательщикам, куда идут деньги, или, напротив, не станут раздражать население на фоне экономических проблем во многих странах. В США, по крайней мере пока, громко заявляют о восстановлении производств тех видов номенклатуры вооружений, которые в значительных объёмах были переданы Украине.

Наибольшую активность проявляют в Европе, но в основном речь идёт об увеличении расходов без полного пересмотра концепций. О росте оборонных расходов ещё весной объявили ведущие в военном плане страны региона и от этих планов не отказываются, хотя реализация их не везде проходит гладко и мало где они привели к громким сделкам по закупкам вооружений, что, впрочем, понятно, учитывая инерцию бюджетного процесса.

ТОП-10 КРУПНЕЙШИХ ВОЕННЫХ ДЕРЖАВ, МЛН ЧЕЛОВЕК

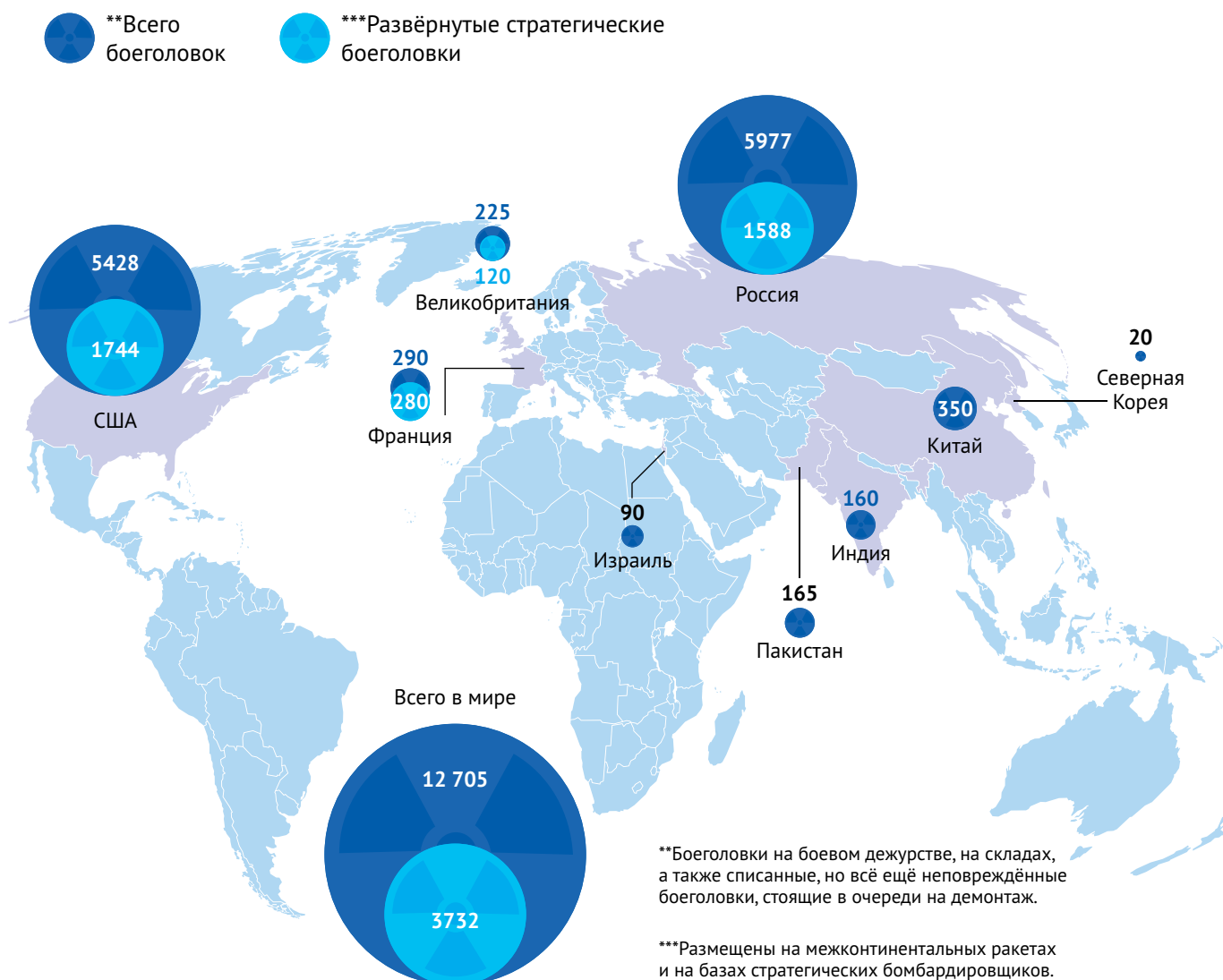
На 2022 год в мире под ружьём предварительно насчитывалось 45,5 млн человек, включая регулярные войска, резервистов и военизированные формирования



Источник: www.globalfirepower.com, www.quora.com, basetop.ru

Говоря об увеличении оборонных расходов, в первую очередь нужно отметить, конечно, Германию. Ещё 27 февраля 2022 года канцлер Олаф Шольц заявил о том, что для трат «на нужды обороны» будет сформирован специальный фонд объёмом порядка 100 миллиардов евро (это примерно два годовых обычных оборонных бюджета ФРГ). Для таких значительных внеплановых трат потребовалось даже внести поправки в Конституцию, и в июне инициатива получила одобрение Бундестага. Кроме того, Шольц высказался за создание в перспективе «крупнейшей армии Европы», но реальных шагов по радикальному повышению численности Бундесвера пока не предпринято – изыскать людские резервы, возможно, труднее, чем денежные. Однако в Германии уже начались оборонные закупки с расчётом на выделенное дополнительное

МИРОВЫЕ ЯДЕРНЫЕ СИЛЫ, ЯНВАРЬ 2022 ГОДА*

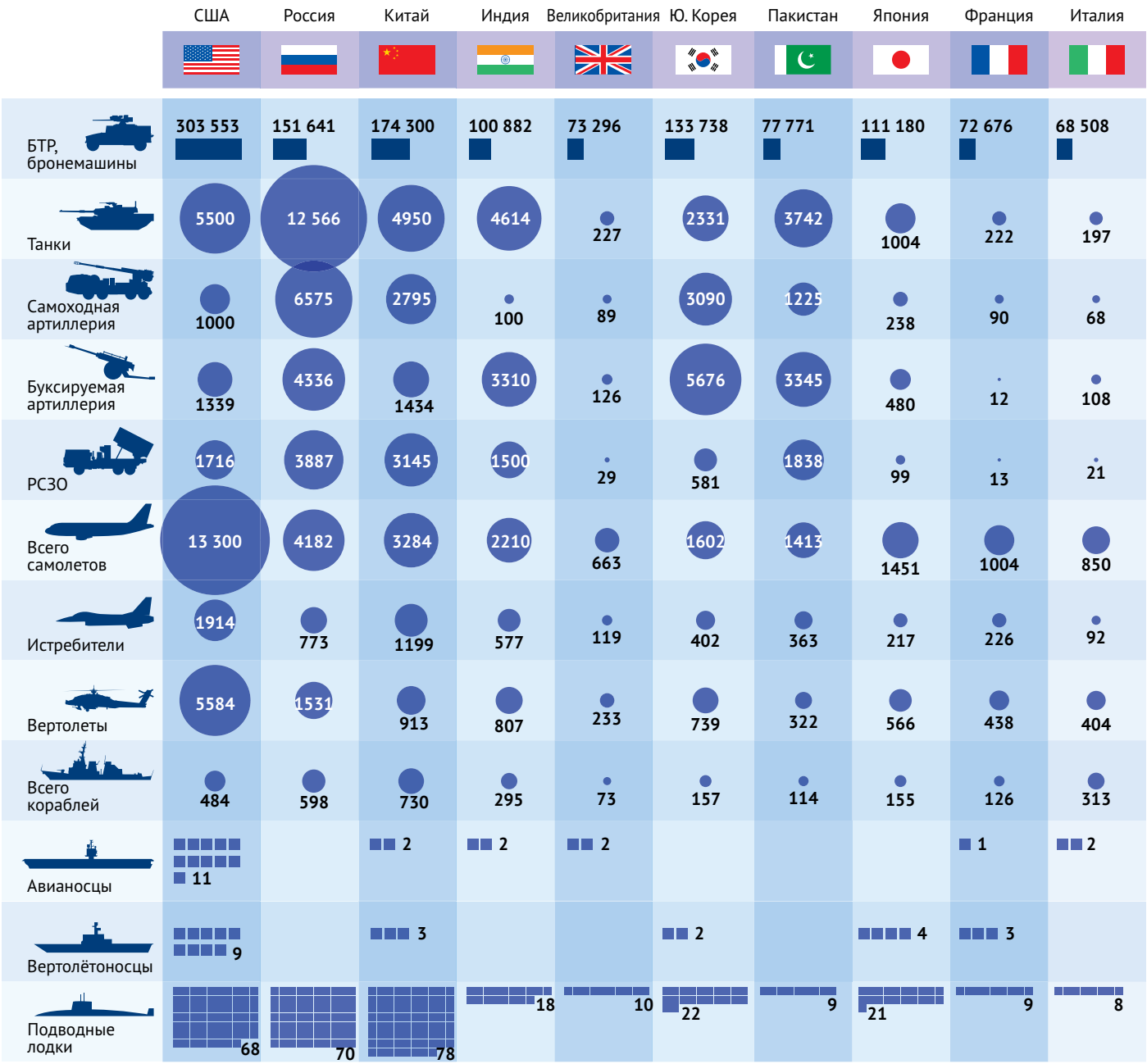


Источник: sipri.org

*Картограмма по состоянию на январь 2022 года

финансирование. В частности, подписан контракт на приобретение американских малозаметных многоцелевых истребителей *F-35A*, что неудивительно, поскольку это практически единственная доступная замена физически и морально устаревших бомбардировщиков «Торнадо» в качестве носителей ядерных бомб Совместных ядерных миссий НАТО, в которых участвует ФРГ. В целом, по предварительным планам, на закупку авиатехники будет направлена почти половина средств дополнительного фонда (около 41 миллиарда евро), а на технику для сухопутных войск только пятая часть (около 18,5 миллиарда евро). И здесь сказывается не опыт конфликта на Украине, а немецкая специфика: Бундесвер относительно неплохо вооружён бронетехникой, но с вертолётами, БПЛА и ещё рядом направлений есть проблемы.

ВОЕННЫЕ ПОТЕНЦИАЛЫ ВЕДУЩИХ ДЕРЖАВ: БОЕВАЯ ТЕХНИКА, ЕДИНИЦ



Источник: www.globalfirepower.com, www.quora.com, basetop.ru

Вместе с Германией практически сразу после начала военного конфликта на Украине о значительном росте оборонных расходов объявили страны альянса – Бельгия, Дания, Испания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Румыния, Франция. Далеко не во всех этих странах разработаны и утверждены конкретные дорожные карты роста оборонных бюджетов. Но затягивание конфликта способствует тому, что в том или ином виде они будут реализованы.

Следует отметить достаточно осторожные экспертные оценки, например, в Великобритании, указывающие на возможность преодоления текущей тенденции к исчерпанию боеприпасов лишь к 2025–2026 годам, опять же, с акцентом на ключевую роль сохранения соответствующей политической воли¹⁰.

Рекордсменом по росту оборонных расходов в Европе по относительным показателям является однозначно Варшава, а если рассматривать ближайшее будущее и траты именно на закупки вооружений и военной техники, то, вероятно, и по абсолютным. Оборонные расходы Польши, включая траты из специально сформированного Фонда вооружённых сил, составят в 2023 году порядка 27–29 миллиардов долларов. Оборонный бюджет на 2022 год равнялся 12,5 миллиарда долларов, то есть речь идёт о увеличении вдвое с лишним, до огромных 4,5 процента от ВВП. Польша, в отличие от Германии, исходя из наблюдений за ходом конфликта в течение года, сосредоточила новые закупки в основном на приобретении техники для сухопутных войск: танков, ствольной и реактивной артиллерии, боевых вертолётов. Аргументируется это в том числе и передачей части запасов вооружений (например, находившихся в резерве танков Т-72) Украине.

Достаточно ярким эпизодом стало стремительное наращивание военно-технического сотрудничества между Польшей и Южной Кореей в виде закупок весьма широкой номенклатуры военной техники. Так, было решено приобрести основные танки *K2 “Black Panther”* (180 машин за 3,4 миллиарда долларов), самоходные артиллерийские установки *K9PL “Thunder”* (212 машин за 2,4 миллиарда долларов), реактивные системы залпового огня *K239 “Chunmoo”* (рамочное соглашение до 288 машин за 6 миллиардов долларов), учебно-боевые самолёты/лёгкие истребители *FA-50* (48 машин за 3 миллиарда долларов). Вероятно, это крупнейшие оборонные сделки Евросоюза по итогам года. Кроме корейской, поляки продолжают активно закупать американскую военную технику, в частности танки *M1A2 “Abrams”*, ранее были заключены контракты на истребители *F-35A “Lightning II”* и комплекс ПВО/ПРО *MIM-104 “Patriot”* в перспективной конфигурации *PAC-3+*.

При этом военно-техническое сотрудничество с Азией вызывает понятное раздражение в странах ЕС – фактически вместо стимулирования развития европейского ОПК открываются ворота для нового игрока на европейском рынке продукции военного назначения. С другой стороны, это естественный результат сложившейся ситуации – в свете резкого повышения спроса на рынке вооружений и нехватки возможностей удовлетворить спрос традиционными поставщиками (та же Польша заявляла, что хотела бы купить американские *HIMARS*, но большое количество оперативно получить невозможно, поскольку заказы расписаны) уникальные возможности получают

¹⁰ Cranny-Evans S. Ramping Up: What Will It Take to Boost the UK’s Magazine Depth? // The Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. 6.12.2022. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/ramping-what-will-it-take-boost-uks-magazine-depth>

новые амбициозные игроки: не только Республика Корея, но и Турция, Иран, Япония, Израиль. Разумеется, Израиль нельзя назвать новичком военно-технического сотрудничества, но он значительно расширяет свои компетенции. Примером расширения присутствия молодых игроков на рынке Старого Света может служить достаточно неожиданный выбор ФРГ в качестве перспективного комплекса ПРО ТВД израильского IAI *“Arrow 3”*.

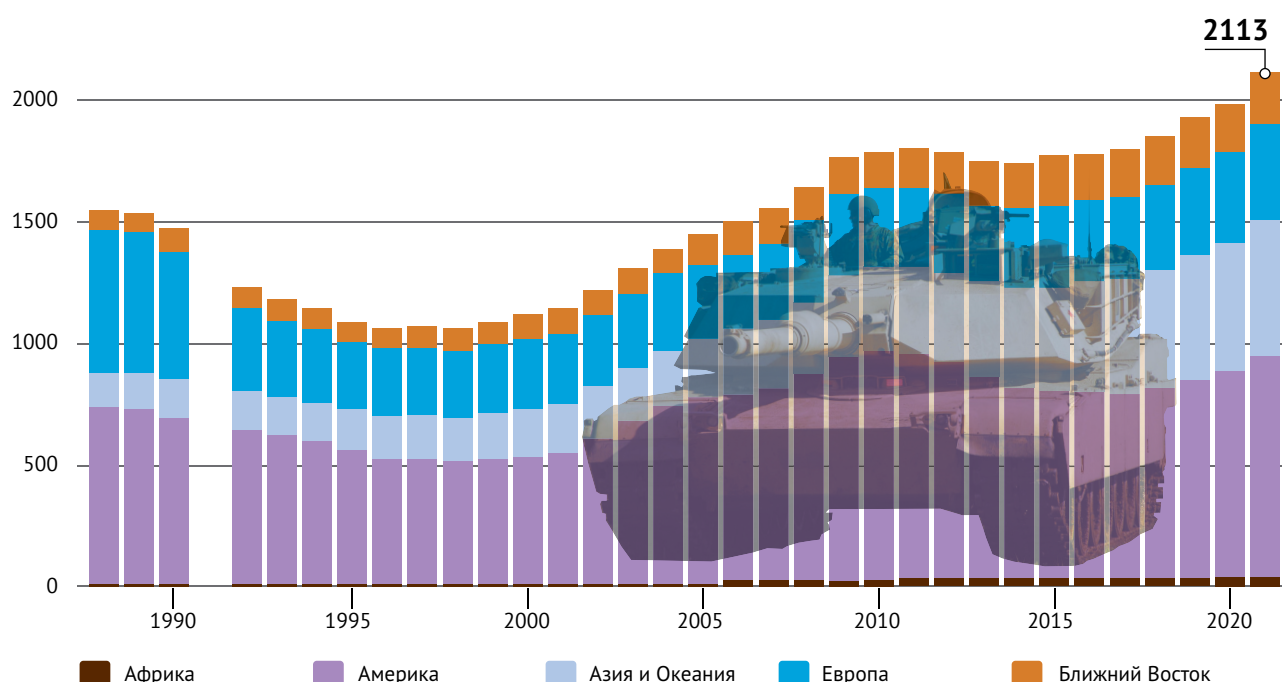
Вероятно, дополнительные усилия будут предприниматься и в части оснащения вооружённых сил беспилотными платформами всех видов, а также барражирующими боеприпасами, в том числе большой дальности. Не исключено, что никогда не исчезавший, но активизировавшийся интерес Японии к формированию ударного потенциала на основе высокоточного оружия большой дальности в определённой мере связан с украинским (точнее, российским) опытом в рамках СВО. В принятых в декабре новых доктринальных документах в области безопасности японское правительство официально провозгласило необходимость приобретения «оружия для контрударов по базам и командным пунктам», то есть на первом этапе – американских крылатых ракет *“Tomahawk”*, а в дальнейшем и собственных систем, включая гиперзвуковые. В случае реализации мер по резкому росту оборонных расходов Япония поборется за третье место по их абсолютным размерам в мире с Германией, если она реализует свои планы.

Особое внимание будет уделяться системам ПВО/ПРО, их комплексированию и интеграции. СВО в очередной раз (но теперь особенно ярко) продемонстрировала как необходимость эшелонирования обороны от всего спектра средств воздушно-космического нападения, так и невозможность создания непробиваемых «зонтиков». Бомбардировщики теперь, конечно, не всегда могут гарантированно прорваться к цели, причём не в последнюю очередь в связи с политической чувствительностью потери таковых, а вот ракеты и иные средства поражения способны гарантированно перегружать любые оборонительные системы.

2.2. Усилия в «правильном» направлении

По мере анализа опыта СВО уже в ближайшие месяцы будут приниматься конкретные решения по усилению оборонного потенциала, и не только в странах, вовлечённых в конфликт, пусть и опосредовано. За боевыми действиями пристально следят во всём мире. Как только такие решения будут формализованы, мы увидим резкий рост нагрузки на оборонно-промышленные комплексы, логистическую инфраструктуру, а также попытки сделать более привлекательной службу в вооружённых силах.

ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ ПО РЕГИОНАМ, 1988–2021 ГГ. (МЛРД \$)



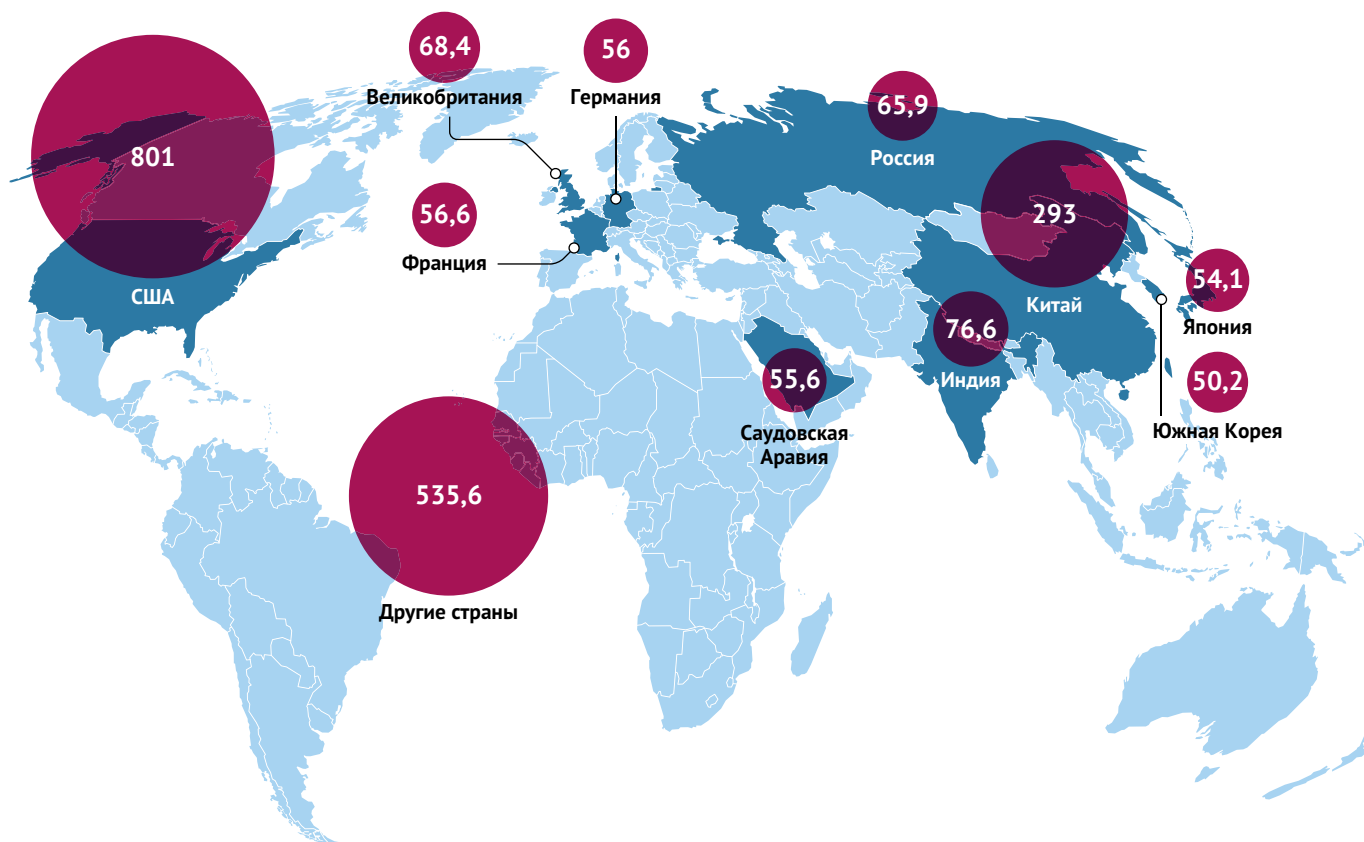
Источник: sipri.org

Соответственно, активизируется конкуренция в самых разных областях: от борьбы «покупателей» за ту или иную «продукцию», наращивание выпуска которой потребует времени, до борьбы за качественный «личный состав» между разными родами войск, да и вооружённых сил в целом с коммерческими структурами, в том числе транснациональными корпорациями.

С другой стороны, исходя из опыта СВО, несомненно, активизируется партнёрство военных с частным сектором – например, взаимодействие с коммерческими цифровыми сервисами, использование гражданских спутниковых группировок связи и дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ), ускорится процесс оборонных закупок и смягчатся бюрократические препоны для инноваций или крупных закупок боеприпасов, что, разумеется, вызовет не всегда легальные, но зачастую приятные для заинтересованных лиц проявления сращивания «покупателей» и «продавцов».

До последнего времени доминировал нарратив о пользе сокращения оборонных расходов, так называемом мирном дивиденде, особенно

ТОП-10 СТРАН ПО ВОЕННЫМ РАСХОДАМ В 2021 ГОДУ* (МЛРД \$)

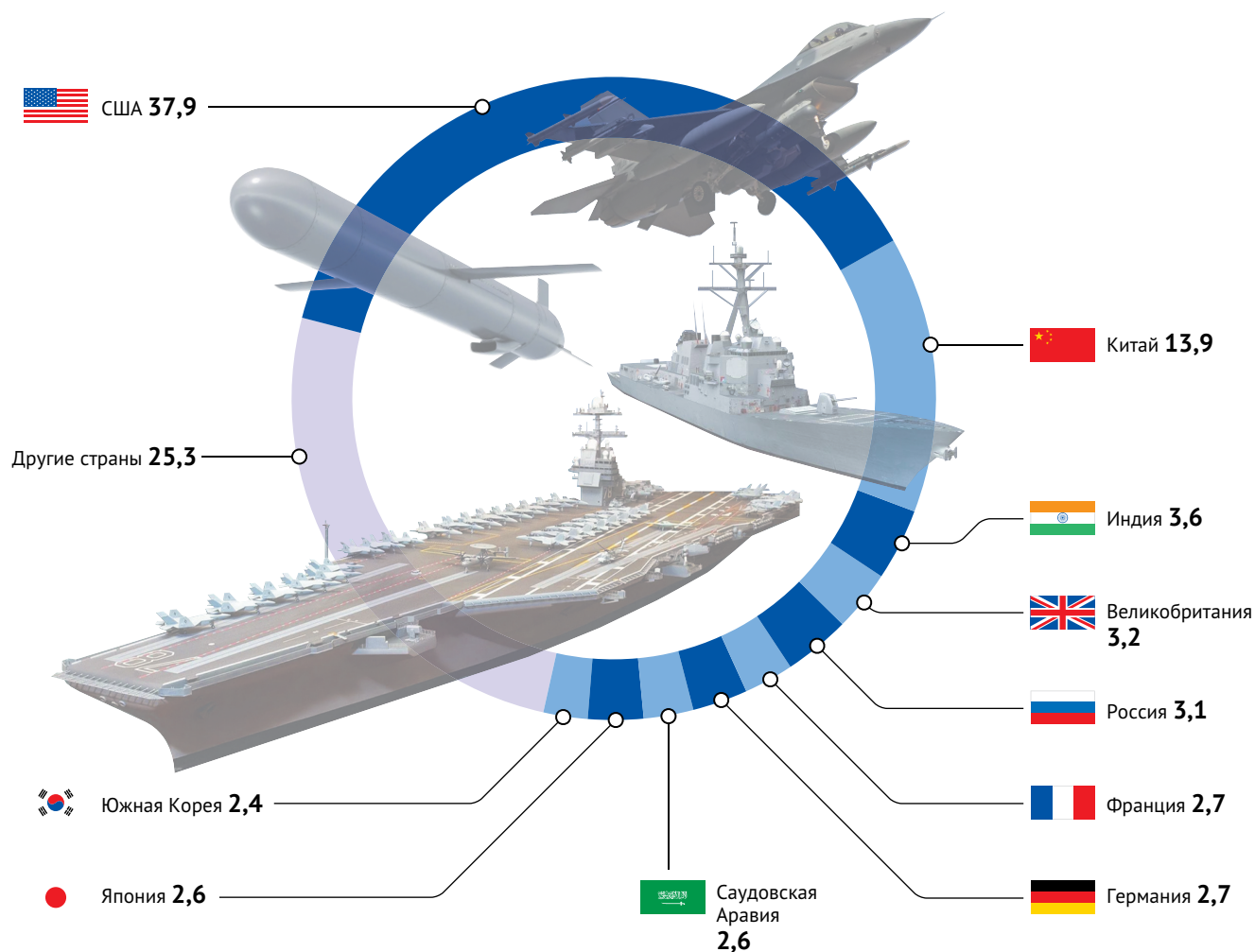


Источник: sipri.org

*Картосхема по состоянию на январь 2022 года

в европейских странах. Теперь же расходы на оборону вновь начинают расти, а значит – под это будут подводиться всё более креативные обоснования в жанре угроз и со стороны «стран-изгоев», и в рамках противоборства «великих держав». Например, Япония объясняет наращивание оборонных расходов, с одной стороны, СВО, с другой – рост ракетной угрозы от КНДР, а главное – всё возрастающими глобальными амбициями КНР и их противостоянием с США и союзниками последних (кстати, Россия волнует Токио в первую очередь как союзник Китая). Схожей риторикой пользуется Республика Корея, сдобривая свои доводы слабо скрываемой критикой в адрес Японии. Польша и Прибалтийские страны продолжают крутить шарманку «русской угрозы». Страны Западной Европы с точки зрения риторики в основном чувствуют себя пока не слишком уверенно.

ТОП-10 СТРАН ПО ВОЕННЫМ РАСХОДАМ В 2021 ГОДУ (%)



Источник: sipri.org

В США сложился консенсус, согласно которому вооружённые силы требуют скорейшей модернизации для обеспечения превосходства над Китаем. Внутри этого нарратива уже сегодня появляются вариации на тему того, стоит ли тратить силы и ресурсы на сдерживание России и поддержку Украины. Мнение, что это только отвлекает от противостояния Пекину, мягко говоря, не является маргинальным. То, в какой мере Вашингтон в среднесрочной перспективе будет вовлекаться в европейскую безопасность, зависит от перипетий американской внутривнутриполитической борьбы, которая оказывает (косвенно и без излишней рефлексии) сильное влияние на общемировую ситуацию.

3. Что необходимо делать нам?

В отношении отечественных подходов представляется целесообразным ряд рекомендаций.

а) Возможно, назрел пересмотр ключевых показателей эффективности военных расходов. Насколько можно судить, до самого последнего времени российское военно-политическое руководство гордилось относительно низким положением в различных рейтингах стран по расходам на оборону. Видимо, именно минимизация расходов являлась одним из ключевых «показателей эффективности», что до начала СВО и в условиях кризисных явлений в экономике было обоснованно. В изменившейся реальности начали проявляться вполне конкретные негативные последствия этой линии, и, соответственно, стоит ожидать изменений.

б) В текущей ситуации требуется акцент на системах «здесь и сейчас». Теперь ключевой задачей становится стремительное наращивание производства и закупок наиболее необходимой номенклатуры уже имеющихся образцов вооружения, военной техники и иных видов продукции военного назначения. Такой процесс, возможно, будет вестись в ущерб разработке и испытаниям перспективных систем. При этом стремительное движение научно-технического прогресса в военной сфере вспять развернуть невозможно, соответственно, проблема поиска баланса приоритетов в условиях СВО и обострения международной обстановки в целом видится едва ли не ключевой задачей, хотя и крайне сложной.

в) Оптимизация процедур государственного оборонного заказа также назрела. В рамках данной работы нецелесообразно погружаться в особенности отечественной системы государственного оборонного заказа. Вслед за лучшими мировыми примерами напрашивается создание условий по более активному вовлечению частных подрядчиков в выполнение соответствующих задач. Для снятия препятствий таким процессам может потребоваться в том числе и некоторое снижение избыточных требований к продукции военного назначения. Итоговым результатом должно стать выстраивание системы, избавленной от устаревшей надежды на превращение ОПК в локомотив инновационного развития. В мире идут прямо противоположные процессы – передовые разработки попадают в «оборонку» из гражданской промышленности.

г) Повышение открытости оборонной сферы на первый взгляд может показаться противоречащим общему тренду милитаризации и соперничества великих держав. Однако особую роль в решении перечисленных задач

играет налаживание обратной связи между разработчиками и пользователями вооружения и военной техники, их взаимодействие с научно-экспертным сообществом. Безусловно, защита государственной тайны остаётся важнейшим элементом поддержания обороноспособности государства, но взаимное «опыление» идеями и оценками, взгляд со стороны могут и должны сыграть позитивную роль, в том числе и в части решения проблемы балансировки немедленных результатов и долгосрочных приоритетов.

д) В условиях беспрецедентного санкционного давления и реанимации жёстких практик в сфере экспортного контроля чрезвычайно актуальной задачей является **поиск новых форматов взаимодействия с союзниками и партнёрами, а также источников технологий**. В наше время автаркия невозможна, хотя в целом Россия находится на более высоком уровне самодостаточности в военной сфере по сравнению с большинством стран мира. И всё же с учётом сохраняющегося технологического доминирования стран условного Запада вновь ребром встаёт вопрос о создании экономически и технологически эффективных производств, в том числе в сфере микроэлектроники. Разумным выглядит выстраивание кооперации со странами, столь же заинтересованными в повышении независимости своих вооружённых сил от «политически заряженных» компонентов, что позволит формировать рынки для новых производств и создавать каналы, в том числе «серые», для доступа к передовым технологиям из недружественных стран.

Заключение: жестокий новый мир

Разговоры о стремительной деградации системы международных военно-политических отношений как в глобальном, так и в региональном масштабе давно стали общим местом. Боевые действия на Украине явочным порядком заставили большинство стран мира вновь задуматься о собственном потенциале на случай межгосударственного военного конфликта высокой интенсивности со своим участием в национальном или коалиционном качестве. Нельзя сказать, что 24 февраля 2022 года наступило внезапно (хотя ход боевых действий вряд ли представлялся в том виде, в котором мы его наблюдаем вот уже чуть больше года), и, соответственно, не стоит надеяться на неожиданное изменение глобальной обстановки.

В среднесрочной перспективе в случае форсажа оборонно-промышленных комплексов, в первую очередь в Европе, мы быстро приблизимся к взрывоопасной ситуации и обнаружим до зубов вооружённых противников

на линии соприкосновения. Причём, в отличие от периода холодной войны прошлого века, в этот раз вряд ли можно будет говорить о единстве целей и задач государств по обе стороны от этой линии.

Особенно угрожающим представляется массированное развёртывание высокоточного оружия большой дальности всех видов базирования, с помощью которого с минимальным временем предупреждения будут возможны удары на всю глубину территории противников. Под ударом может оказаться российский флот, как военный, так и гражданский, в силу известных географических ограничений акваторий Балтийского и Чёрного морей. Но, вне всякого сомнения, Россия также будет усиливать свой потенциал, и мы придём к сбалансированной, хотя и недостаточно стабильной ситуации.

Целесообразно уже сейчас начать думать о новых мерах по снижению рисков, а в перспективе – и о полноценном контроле над вооружениями. Безусловно, в текущей ситуации сложно представить возвращение России и США в Договор по открытому небу, а о ДОВСЕ 2.0 говорить вообще не приходится. Тем не менее ничего лучшего пока никто не предложил.

Надежда лишь на то, что в Европе, в том числе и в России, хорошо помнят о том, что случается, когда договориться о панъевропейской безопасности не удаётся. И, возможно, когда несколько остынет эмоциональный накал вокруг украинского конфликта, какие-то решения будут найдены.

К тому времени в полный рост встанет другой вопрос: что делать с накопленной военной мощью. Несложно предположить, что для Европы перспективным направлением станет укрепление позиций в Африке, а американцы наверняка будут стремиться привлечь европейские контингенты к тихоокеанскому сдерживанию Китая. Последняя задача вполне может оказаться успешной – и тогда уже Россия получит возможность предложить Китаю поддержку в развёртывании, например, военно-морских или военно-воздушных контингентов в непосредственной близости от европейского континента.

Как видно, мир у нас сложился в полной мере многополярный. Но вряд ли в скором времени он станет безопасным. К сожалению, вероятно, дилемма безопасности в очередной раз победила принцип неделимости этой самой безопасности.

 RuValdaitweets
 valdaiclub
 valdaiclub
 valdaiclubcom
 Международный
дискуссионный
клуб «Валдай»
admin@valdaiclub.com